

«Православная цивилизация»: где она?

В.П. Булдаков, доктор исторических наук

Прежде всего, хотел бы подчеркнуть, что против *идеи* православной цивилизации ничего не имею — в том числе и по причине собственной формально-конфессиональной, не говоря уже о культурно-сущностной, принадлежности. В любом случае проблема христианской, православной в том числе, культуры много значительнее вопроса «верую — не верую», «причащаюсь — не причащаюсь». Следовательно, сегодня, здесь в России, от постановки этой проблемы никак не уйти, и серьезный разговор на эту тему можно только приветствовать.

Нам представлен доклад, который, как мне кажется, точно и основательно обобщает взгляды православных мыслителей на сущность православной культуры. Многое, если не все из сказанного я слышал — и не раз. Однако вызывает некоторое недоумение изначальная отсылка к авторитету А. Тойнби. Еще большие сомнения вызывает столь уверенная констатация с его помощью *существования* именно *православной* цивилизации при заявленном докладчиком «отсутствии» христианской цивилизации на Западе вообще.

Полагаю, что доклад не случайно начался со ссылки на А. Тойнби. Действительно, в «Постижении истории» он пишет о западной и православной цивилизациях. Почему? Из разочарования в секулярности Запада? Оказывается, все дело в том, что католицизм не был «этатизирован», тогда как православие, напротив, стало государственной религией. Лично для меня такой критерий применительно к понятию цивилизация является сомнительным — всякая культура растет не только «сверху», но и «изнутри». Еще менее убедительным такой заход мне кажется в связи с тем, что

Русская Православная церковь никогда не мыслила себя вне государства — Раскол, между прочим, связан и с этим моментом. Получается, что для доказательства существования особой цивилизации докладчик использует чисто формальные критерии — во всяком случае, они ставятся *впереди* собственно духовных.

Напомню, что в свое время РПЦ выдержала немало нападков (в частности, со стороны униатов) за то, что она является церковью *казенной*, что она строится не от прихода, не от проповеди, а от светской власти. Обвинения серьезные и, надо заметить, православные иерархи всегда вели себя так, как будто хотели обратить сей феномен в собственную добродетель.

Лично меня в свое время потряс тот факт, что ныне здравствующий патриарх обратился к президенту: «Ваше превосходительство» (хорошо, что не «высокопревосходительство») — так в старое время обращались к генералам. Совсем недавно (в связи с отпеванием первого российского президента) у меня создалось впечатление, что применительно к делам государственным РПЦ с легкостью готова менять литургический канон. Простите, но, как мне кажется, перед Всевышним должен предстать раб божий Борис, а не «превосходительство» Борис Николаевич. Или наш президент уже стал главой церкви, как некогда император? Признаем, что слишком уж особенная получается христианская (или православная?) цивилизация.

Вернемся, однако, к А. Тойнби. Трудно сомневаться, что утверждение цивилизации он связывал с *империей*, и в правомерности такого подхода трудно усомниться. Поскольку существовала Византийская империя (на мой взгляд, чрезмерно сакрализованная православием), то существование православной цивилизации превращается в факт истории даже без сомнительных ссылок на «Третий Рим». Что касается последнего, то теоретически он возможен, но возможен, как и любая другая хилиастичная империя, при единственном условии — технологически он должен превосходить

окружающих его «варваров» и «сизматов». Что же касается ныне существующих православно-государственных анклавов в пространстве соперничающих цивилизаций, то по большому счету они смотрятся всего лишь уникальными суб- или квазицивилизационными явлениями.

Строго говоря, империя — это агрессия культуры, находящейся в пассионарной стадии своего развития, а потому стремящаяся «цивилизовать» окружающий мир. Делается это, как водится по преимуществу «крестом и мечом» или наоборот — «мечом и крестом», хотя кто-то увидит в этом только этнопассионарное начало. Как бы то ни было, культура-цивилизация (следуя О. Шпенглеру и очевидным историческим процессам) приходяща и преходяща.

На этом фоне западная цивилизация, от которой всякий раз танцует любой социолог, включая ненавистников Запада, скорее уникальна, нежели универсальна — ее определяли скорее технологии, чем вера. Именно поэтому даже естественные цивилизационно-энтропийные процессы современного Запада («закат Европы») сдерживаются дальнейшей «технологизацией» производственного задела, созданного трудом прошлых поколений, и изощренным использованием внешних «бесхозных» ресурсов. Современная западная цивилизация настроена на размеренное потребление всего и вся, предлагая взамен экстаз-духовность в виде прав человека. Но можно ли утверждать, что эта псевдоэтика, в адрес которой высказано немало резонных замечаний, не является редуцированным производным некоторых христианских (а не только «общечеловеческих») заповедей? Возможен ли был Запад без христианства (которое нельзя ограничивать католицизмом)? Даже если мы говорим о иудео-христианской и/или атлантической цивилизации, то вряд ли стоит забывать ее библейские истоки.

Признаюсь, что для меня «спор о цивилизациях» представляется вполне схоластичным, который, тем не менее, был затеян с вполне практической целью. Цель эта — в идентификации современной России в ее нынешнем госу-

дарственном качестве. Если так, то имеет смысл говорить о **православной России** в ее прошлом и настоящем.

Знаменитая триада православие — самодержавие — народность появилась в первой половине XIX в. — главным образом как реакция (весьма запоздалая и слабая) на угрожающие последствия государственного безбожия и масонствующего вольнодумства российских «просвещенных» элит XVIII в. Однако, она была лишь провозглашена, ибо даже во второй половине XIX в. православные священники сомневались, что их паству можно отнести к христианам; а идея «народа-богоносца» — оставалась лишь красивой выдумкой интеллигентов-народолюбцев (в чем они со временем жестоко разочаровались). Чаще православные пастыри говорили о «двоеверии» (язычество + православие) или синкретичности сознания русского **крестьянина** (тоже любопытное самоназвание), наконец, об «обрядоверии». Из этого следует, что необъятная Россия с ее огосударствленной церковью христианизировалась крайне медленно, более того, поверхностно.

Разумеется, нет смысла кого-то в этом упрекать, и я не собираюсь рассказывать о том, почему православно-приходская культура в России не сложилась — надо принимать это как исторический факт. А факт этот, между прочим, связан и с тем, как говорил В.О. Ключевский (выходец из семьи священника), что «русское духовенство всегда учило паству свою не познавать и любить Бога, а только бояться чертей, которых оно же и расплодило...». Вероятно, сам выдающийся историк мог бы признать эту характеристику неполной: священники, конечно, учили также **любить власть**, за что их, в свою очередь, невзлюбили интеллигенты. Получился заколдованный круг, который был разорван известно как. С тех пор положение вряд ли существенно изменилось: власть кивает на церковь, церковь на власть, «народность» по-прежнему остается на заднем плане.

Согласно социологическим опросам Россия весьма верующая и очень православная страна. Но добралось ли право-

славие до душ «верующих»? Я этого не замечаю. Зато очень заметно, что православные пастыри все чаще вспоминают «чертей» — «мировую закулису», масонов, «права без обязанностей» и т. д. и т. п.

Скажу больше. После того, как атеистически — патерналистски — идеократическая (а в целом квазиморфная) система рухнула, трудно вообразить себе более дехристианизированное (псевдо) общество, чем российское. Если поведенческие императивы россиянина планомерно формируются на основе культа денег, наживы, примитивного индивидуализма, насилия (далее можно не перечислять), то причем здесь разговоры о «православном образовании», «особой» системе ценностей и т. п.? Неужели не ясно, что новое поколение формируется на основе самого асоциального эгоцентризма — инфантильного, возводящего зов собственных гормонов в эпицентр мироздания. Разве не видно, что современное российское общество тотально оболванивается mass media и в роли «властителя дум» способна выступить какая-нибудь Ксения Пошляк?

Как ни странно, к нынешней государственности, при всем скептическом отношении к ней, в смысле ее отношения к православию, у меня особых претензий нет. Оно, безусловно, помогло РПЦ — пусть не вполне богоугодным образом — чего от нее ждать еще? Во всяком случае, создается впечатление, что государство куда охотнее помогает православию, нежели светской культуре. Но вправе ли церковь главные свои основные усилия тратить на *политическое* поддержание этой государственности? Сколько можно кивать на власть как на внешнюю ограду «истинного христианства», забывая о душах его подданных? Как вообще реагирует церковь на социальный протест?

Конечно, можно взирать на происходящее с отшельническим смирением, повторяя, что мир пребывает в грехе. Но будет ли легче от этого мирянам?

Мы живем в глобализующемся мире. А потому для сохранения всякой культурной идентичности требуют-

ся несколько большие усилия, чем преподавание «закона Божьего» в гимназиях. Такое уже было, «православная» цивилизация от этого только пострадала. Сделаны ли Русской Православной церковью из этого должны выводы?

Повторяю, я допускаю возможность православной цивилизации. Но шагов в этом направлении со стороны церкви не различаю.

Защита древнего отечества.
Художник А.И. Калашников